

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Холодное сердце. Часть первая, стр. 3

уже не раз: во всей этой порче виноват Голландец Михель. Так вот, сто лет тому назад, а быть может и раньше, жил–был богатый лесоторговец, державший у себя много работников; он сплавлял лес до самых низовьев Рейна, и господь помогал ему, потому что был он набожным человеком. Однажды вечером постучался к нему какой–то детина – таких он сроду не видывал. Одет, как все шварцвальдские парни, только ростом на голову выше их, – даже трудно было поверить, что живет на свете такой великан. Значит, просит он лесоторговца взять его на работу, а тот, приметив, что малый на редкость сильный и может таскать тяжести, тут же уговорился с ним о плате, и они ударили по рукам. Михель оказался таким работником, какие лесоторговцу и не снились. Когда рубили деревья, он управлялся за троих, а если ношу с одного конца поднимали шестеро, за другой брался он один. Прошло с полгода, как он рубил лес, и вот в один прекрасный день является он к хозяину и говорит: «Хватит уж мне рубить лес, хочу я наконец поглядеть, куда уплывают мои бревна, – что, коли вы и меня разок отпустите с плотами?»

Лесоторговец отвечал: «Я не стану тебе препятствовать, Михель, если тебе захотелось повидать свет. Хоть и нужны мне на рубке леса сильные люди, а на плотам важнее ловкость, нежели сила, на сей раз пусть будет по–твоему».

На том и порешили; плот, с которым предстояло ему плыть, составлен был из восьми вязок, а последняя – из огромных строевых балок. И что же дальше? Накануне вечером приносит Михель к реке еще восемь бревен – таких толстых и длинных, каких свет не видывал, а он их несет играючи, словно это всего–навсего шесты – тут всех прямо в дрожь бросило. Где он их срубил – так до сих пор никто и не знает. Увидал это лесоторговец, и сердце у него зыграло: он быстро прикинул в уме, сколько можно выручить за эти бревна, а Михель и говорит: «Ну вот, на этих–то я и отправлюсь, не на тех же щепочках мне плыть!» Хозяин хотел было дать ему в награду пару сапог, какие носят плотовщики, да Михель отшвырнул их и принес невесть откуда другие, невиданные; дед мой уверял, что весили они добрых сто фунтов и были в пять футов длиной.

Плот спустили на воду, и ежели раньше Михель удивлял дровосеков, то теперь пришел черед дивиться плотовщикам: они–то думали, что плот их из–за тяжелых бревен пойдет медленно, а он, как только попал в Неккар, понесся стрелой; там же, где Неккар делал излучину и плотовщики обыкновенно с превеликим трудом удерживали гонку на быстрине, не давая ей врезаться в прибрежный песок или гальку, Михель всякий раз соскакивал в воду, одним толчком вправо или влево выправлял плот, так что он без помех скользил дальше; а где река текла прямо, перебегал вперед на первую вязку, приказывал всем положить весла, втыкал в дно реки свой огромный шест, и плот с маху летел вперед, – казалось, будто деревья и села на берегу стремительно проносятся мимо. Таким–то манером они вдвое быстрее обычного достигли города Кельна на Рейне, где всегда сбывали свой груз, но теперь Михель им сказал: «Ну и купцы! Хорошо же вы понимаете свою выгоду! Неужто вы думаете, что кельнцы сами потребляют весь лес, который им пригоняют из Шварцвальда? Нет, они скупают его у вас за полцены, а потом перепродают подороже в Голландию. Давайте мелкие бревна продадим здесь, а большие отвезем в Голландию; все, что мы выручим сверх обычной цены, пойдет в наш карман».

Так говорил злокозненный Михель, и остальным это пришлось по душе: кому хотелось повидать Голландию, кому взять побольше денег. Нашелся среди них один честный малый, который отговаривал их рисковать хозяйским добром или обманывать хозяина в цене, да они его и слушать не стали и сразу позабыли его слова, только Голландец Михель не позабыл. Вот и поплыли они со своим лесом дальше, вниз по Рейну, Михель управлял плотом и быстро доставил их в Роттердам. Там предложили им цену, вчетверо больше прежней, а за огромные Михелевы балки отвалили целую кучу денег. Когда шварцвальдцы увидали такую уйму золота, они прямо с ума посходили от радости. Михель поделил выручку – одну четверть лесоторговцу, три четверти – плотовщикам. И тут пошла у них гульба; с матросами и со всякой прочей швалью шатались они денно и ночно по кабакам, пропивали да проигрывали свои денежки, а того честного парня, который их удерживал, Голландец Михель продал торговцу живым товаром, и никто больше о нем не слышал. С той поры и стала Голландия раем шварцвальдских парней, а Голландец Михель – их повелителем; лесоторговцы долгое время ничего не знали об этой тайной торговле, и мало–помалу сюда, в верховья Рейна, стали притекать из Голландии деньги, а с ними сквернословие, дурные нравы, игра и пьянство.

Когда правда наконец вышла наружу, Голландец Михель как в воду канул; однако он жив и поныне. Вот уже сто лет творит он бесчинства в здешнем лесу и, сказывают, многим помог разбогатеть, да только ценою их грешной души – больше я ничего не скажу. Одно верно: и по сию пору в такие вот бурные ночи выискивает он на Еловом Бугре, где никто леса не рубит, самые отменные ели, и мой отец своими глазами видел, как ствол толщиной в четыре фута переломил он, словно тростинку. Эти бревна он дарит тем, кто сошел с пути истинного и стakнулся с ним: в полночь они спускают плоты на воду, и он плывет с ними в Голландию. Только будь я государем в Голландии, я бы приказал разнести его в куски картечью, – ведь все корабли, где есть хоть одна доска из тех, что поставил Голландец Михель, неминуемо идут ко дну. Потому и приходится слышать о стольких кораблекрушениях: отчего бы иначе вдруг затонул красивый крепкий корабль высотой с церковь? Но всякий раз, когда Голландец Михель в такую бурную ночь рубит ель в Шварцвальде, одна из прежних его досок выскакивает из пазов корабля, в щель затекает вода, и судно с людьми и товаром идет ко дну. Вот вам предание о Голландце Михеле, и то истинная правда – вся порча в Шварцвальде пошла от него. Да, он может дать человеку богатство, но я бы не стал у него что–нибудь брать, ни за что на свете не хотел бы я быть на месте Толстяка Эзекиля или Долговязого Шлуркера, говорят, что и Король Танцев предался ему!

Пока старик рассказывал, буря улеглась; напуганные девушки засветили лампы и ушли к себе, а мужчины положили на лавку у печки мешок, набитый листьями, вместо подушки для Петера Мунка и пожелали ему спокойной ночи.

Никогда еще Петеру не снились такие страшные сны, как в эту ночь: то ему чудилось, будто огромный, страшный Голландец Михель распахивает окна в горнице и своей длинной ручищей сует ему под нос мешок с деньгами, легонько встряхивая его, так что монеты бренчат ласково и звонко; то ему снилось, будто добрый Стекланный Человечек скачет по комнате верхом на громадной зеленой бутылке, и опять слышалось хриповатое хихиканье, как давеча на Еловом Бугре; кто–то прожужжал ему в левое ухо:

За золотом, за золотомВ Голландию плыви,Золото, золотоСмело бери!

Тут в правое ухо ему полилась знакомая песенка про Хранителя Клада в еловом лесу, и нежный голосок прошептал: «Глупый Петер–угольщик, глупый Петер Мунк, не можешь найти рифму на «взывал», а еще родился в воскресенье, ровно в полдень. Ищи, глупый Петер, ищи рифму!»

Он кричал и стонал во сне, силясь найти рифму, но так как он еще сроду не сочинял стихов, все его усилия были напрасны. Когда же с первыми лучами зари он проснулся, сон этот показался ему очень странным; он сел за стол и, скрестив на груди руки, стал размышлять о словах, которые слышались ему во сне, – они все еще звучали у него в ушах. «Ищи, глупый Петер, ищи рифму!» – повторил он про себя и постучал себе пальцем по лбу, но рифма упорно не шла. Когда он по–прежнему сидел в той же позе и мрачно глядел перед собой, неотступно думая о рифме на «взывал», мимо дома в глубь леса прошли трое парней, и один из них на ходу распевал:

С горы в долину я вызывал,Искал тебя, мой свет.Платочек белый увидел —Прощальный твой привет.

Тут Петера словно молнией пронзило, он вскочил и выбежал на улицу, – ему показалось, что он недослышал. Нагнав парней, он быстро и цепко схватил певца за руку.

– Стой, приятель! – крикнул он. – Какая у вас там рифма на «взывал»? Сделайте милость, скажите мне слова той песни!

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)